

Поскольку госпожа Сюй обладала титулом гаомин, Се Ин сначала направил императору доклад с прошением лишить её этого статуса, чтобы затем вызвать на допрос в Северную Чжэньфусы.

Когда доклад поступил во Внутренний кабинет, лица командующего Вань и вице-канцлера Лю одинаково потемнели. Цуй Цюэ был учеником одного из них и подчинённым другого; оказавшись замешанным в оговоре провинциального чиновника, он изрядно опозорил и своего наставника, и своего начальника.

Лишь третий канцлер Лю Цзи, оставаясь в стороне от происходящего, неторопливо произнёс:

— Достопочтенным академикам не стоит так волноваться. Сие дело, пожалуй, мало связано с самим Цуй Цюэ — это его госпожа Сюй действует по собственному произволу. Что с неё взять — мещанка, ограниченная женским кругозором. Полагала, что от пары злых сплетен ни у кого убытка не будет, и не подумала, что вредит карьере собственного мужа.

Командующий Вань и вице-канцлер Лю, недолюбливавшие друг друга столько лет, впервые совпали во мнениях: этот Цуй Цюэ совершенно никуда не годен — даже с женщинами из собственного заднего двора сладить не может, какой с него спрос на службе!

Лю Сюй тут же подал доклад с самообвинением, каясь, что не уследил за смутой в доме подчинённого и бесчинствами его жены. Вань Ань тоже с неохотой подал прошение о самонаказании и привселюдно объявил о расторжении отношений учителя и ученика с Цуй Цюэ.

В дворцовых покоях Сын Неба Чэнхуа, просматривая доклады, тоже насупился и спросил у прислуживавшего евнуха:

— Женщина... Зачем ей... клеветать на чиновника? Разве... усадьбу пожертвовал... не её сын? Неужели... её семья пожалела о подарке?

Евнух Гао, стоявший подле государя, при виде доклада сразу вспомнил, как ездил в Цяньань вручать Цуй Се императорский указ с похвалой праведного горожанина. Ради собственного престижа и выгоды, полученной от Се Ина, он не мог не заступиться:

— Ваше императорское величество, пожертвовавший усадьбу Цуй Се — праведный человек, коего ваше величество лично удостоили высокой похвалы. Помыслы его исполнены преданности и долга, он готов хоть всё имущество отдать под нужды двора — с чего бы ему жалеть? Это госпожа Сюй не отличается добродетелью. Не в силах видеть, как пасынок совершает благородные поступки и снискивает добрую славу, она тайком подослала людей очернить его и уездного начальника Цяньаня.

Сын Неба Чэнхуа, хоть и изъяснялся с трудом, в делах, не касавшихся его любимой наложницы Вань, а также угодных ему монахов, даосов и евнухов, проявлял себя весьма проницательным правителем. Гао Лян произнёс эти слова возвышенно и благородно, однако император лишь посмотрел на него и молвил:

— Мы помним. Цзиньивэй просили о награде... А ты доставлял... указ. Ты знаешь его... вот и... заступаешься.

Евнух Гао с обидчивым видом воскликнул:

— Ваше императорское величество, судите мудро! Как смеет раб ваш защищать кого-то из

личных побуждений? Этот Цуй Се — лишь юный ученик из провинциального уезда. Хотя он и пожертвовал усадьбу, и о нём ходят слухи как о вундеркинде, рабу вашему нет резона выгораживать его. Раб ваш заботится лишь о священном достоинстве императорского указа! Он — праведный человек, признанный лично вашим величеством, и непременно предан вам. А раз эта женщина клеветает на его безупречные нравы, не выходит ли, будто ваше величество ошиблись в человеке?

Император усмехнулся, дав понять, что удовлетворён ответом, и неторопливо переспросил:

— Он тоже... вундеркинд?

Гао Лян обронил это слово к слову и сам толком не знал, как поживает этот юный гений, поэтому припомнил старые слухи:

— В прошлом году он собрал сборник парных изречений по «Четверокнижию», коего весьма высокой оценки удостоил господин Чжан из Министерства обороны. А цензор Лю и цяньху Се, вернувшись с докладом о выполнении указа, разве не говорили, что он сдавал окружной экзамен? Надо полагать, ныне он уже стал шэньюанем.

Шэньюань в шестнадцать лет... Сказать по правде, на вундеркинда это не слишком тянуло — в таком возрасте другие давно сдавали сянши.

Не говоря о прежних гениях вроде Цзе Цзинь, Чэн Миньчжэна и Ли Дунъяна, тот же Ян Тинхэ в двенадцать лет сдал сянши, а в девятнадцать получил высшую степень; Ян Ицин в четырнадцать сдал сянши, а в восемнадцать стал цзиньши... Получить же звание шэньюаня лишь в шестнадцать перед Сыном Неба вовсе не выглядело подвигом.

Евнух Гао нервно сглотнул, украдкой взглянул на императора и решил свалить всё на Лю Цзая:

— Вернувшись в Дучаюань, цензор Лю повсюду рассказывал, что мальчик — настоящий вундеркинд. Он даже переписал несколько его экзаменационных сочинений, хваля их слог. Жаль только, раб ваш в эти дни был полностью поглощён службой вашему величеству и забыл попросить их у него.

Сын Неба Чэнхуа больше увлекался пикантными записками вроде тех, что командующий Вань подкладывал в официальные доклады — со строками вроде «покорный слуга прошлой ночью спал с двумя наложницами», — к каноническим же трактатам особым интересом не отличался. К тому же дворцовый экзамен завершился лишь на днях, и государь только-только ознакомился с изысканными сочинениями первой десятки цзиньши, так что эссе какого-то мелкого шэньюаня его не привлекали.

И всё же это был праведник, которого государь лично поощрил указом. Вскорости после награждения тот сумел издать книгу, прославился как вундеркинд, да ещё и пожертвовал родовую усадьбу под местную библиотеку — словом, вполне оправдал монаршую милость и уберёг престиж трона.

Потому Сын Неба Чэнхуа спросил:

— Он... в столице? Как завершите дело... приведите его... Мы посмотрим.

Гао Лян поспешно ответил:

— Если посчитать, к сему времени в Юнпинской управе уже должны были вывесить результаты юаньши. Не приказать ли рабу вашему огласить волю вашего величества, дабы семья забрала его обратно в столицу?

Император кивнул и добавил:

— Объяви указ... Лишить госпожу Сюй... гаомина. Пусть Се Ин... допрашивает тщательно.

Гао Лян бережно принял императорский указ и в сопровождении пышной эскортной свиты лично отправился в Северную Чжэньфусы. Призвав Се Ина, он повелел ему взять всадников в красном и устремился к дому семьи Цуй — зачитать указ и взять виновную под стражу.

Только они собрались приказать отворить парадные ворота, как створки с шумом распахнулись изнутри. На улицу, тузя друг друга, вывалилась толпа слуг, а из глубины двора раздался крик зрелого мужчины:

— Моя сестра родила тебе сына, растила твоих детей от наложниц, позволяла тебе набирать целую ораву наложниц и долгие годы усердно прислуживала твоим старым больным родителям! Она не наставляла тебе рогов и не страдала отвратительными болезнями, из-за которых по закону полагается развод! Попробуй только без причины прогнать жену — я пойду с жалобой в Шуньтяньфу! Потребую, чтобы прямо при всех с тебя спустили штаны и всыпали добрых восемьдесят ударов палками! Наши семьи разорвут все связи, а о своей репутации и честной чиновничьей физиономии можешь забыть навсегда!

Другой мужской голос дрожаще возразил:

— Твоя сестра оклеветала чиновника и издевалась над сыном моей покойной первой жены! Как это я не могу прогнать её?! Если бы я не выхлопотал для неё гаомин, её бы уже упекли в императорскую тюрьму и запытали до смерти!

Евнуху Гао это не понравилось, и он велел младшему евнуху выкрикнуть во весь голос:

— С чего это академик Ханьлинь Цуй так своевольно толкует законы поднебесной?! Службы вроде Цзиньивэй исполняют повеления государя, разве станут они хватать людей без разбора?! Вы сами не желаете держать подле себя супругу, нарушившую закон, и мечтаете прогнать её, дабы жениться вновь — всё это ваши собственные деяния, академик Ханьлинь Цуй! С какой стати вы перекладываете вину на Цзиньивэй?!

Находившиеся во дворе лишь тогда заметили, что снаружи всё окружено стражниками Цзиньивэй. У всех подкосились ноги, и толпа дружно повалилась на колени. Даже шурин из семьи Сюй, секунду назад готовый рвать и метать, тихо пробормотал:

— Ваш покорный слуга — не из семьи Цуй, молю господ пощадить...

Се Ин распорядился:

— Уберите отсюда всех посторонних, дайте почтенному евнуху огласить указ.

Служители и стражники Цзиньивэй без лишних разговоров вытащили прочь каждого, кто шумел, плакал или был неподобающе одет. Один из них, оравший громче всех, даже когда его подхватили под руки, продолжал вопить:

— Я не из семьи Сюй! Я молодой хозяин дома Цуй, мой отец — Цуй Цюэ! Отпустите меня!

Евнух Гао приложил руку к груди и вздохнул:

— Ох, неужто и этот — сын Цуй Цюэ? У столь славного и отважного праведника Цуй — и вдруг такой братец? Глаза бы мои на это не смотрели. Уведите его да проучите как следует, а при оглашении указа чтобы никто не смел устраивать истерик!

Се Ин, посмотрев на измятый, грязный халат юноши из лазурного луаньского шелка, тоже слегка нахмурился:

«Какая невоспитанность».

Старший брат не дрогнул бы и перед занесённым клинком, а младший при виде евнуха с императорским указом готов сквозь землю провалиться. Неужели мать и впрямь воспитывала его из рук вон плохо?

Он взмахнул рукой, повелев увести крикуна, и отправил нескольких младших евнухов на женскую половину дома, чтобы призвать к слушанию указа жён, наложниц и детей. Вскоре слуги вывели всех наружу: за исключением парализованного старика-отца, во дворе собравшейся толпой приклонили колени госпожа Сун, шесть жён и наложниц, а также двое малолетних детей.

Госпожа Сюй после драки выглядела растрёпанной и растерзанной, а наложницы и дети от неглавных жён сжались от страха, взирая на дворцовых евнухов и стражников Цзиньивэй, точно на демонов-забирателей душ. Лишь госпожа Сун, пусть её одежда и была слегка в беспорядке, держалась с сильным духом; со слезами на глазах она не отрываясь смотрела на императорский указ.

Евнух Гао, видя, как такое радостное событие, как принятие монаршего указа, превратили в траурную процессию перед казнью, сам омрачился. С мрачным лицом он велел поставить алтарный столик, зажег благовония и провозгласил указ:

— Высочайшим повелением лишить госпожу Сюй титула гаомин пятого ранга и заключить под стражу в императорскую тюрьму. Поручить цянху переднего полка Цзиньивэй Се Ину вести расследование по обвинениям госпожи Сюй в подстрекательстве к подаче анонимных доносов и ложном доносе.

Се Ин опустился на колени и принял указ, после чего немедленно велел сорвать с госпожи Сюй пышные одежды и украшения и препроводить её в тюремную повозку у ворот. Наложницы, дети и слуги семьи Цуй дрожали от ужаса, не смея даже заплакать, и лишь радовались про себя, что Цзиньивэй забрали только одну её и не стали трогать остальных.

<http://bllate.org/book/18372/1761329>